

*Стригущим ногти посвящается:
жизнь не идёт, она — возвращается...
Но, обрезая кромку падали,
мы улетали, а не падали.*

Введение (в роли провидения):

Смотри на женщину в летах,
на птиц, летающих по лету,
смотри на груди у Натах
(у Танек их, похоже, нету).
И в дополнение к эротике
(не напрямую, а отчасти)
цветы, приоткрывая ротки,
в итоге разевают пасти.

*1. Гость, кто знает, что хуже татарина
лишь дизайнеры для абортария:*

В остывающей части Вселенной,
где скопления пыли прямы,
их кузнечик, как военнопленный,
кандалками грохочет из тьмы.
С голодухи их бабочкам скучно
карамель проносить мимо рта,
там шуршит (потому что сыпуче)

кропотливое зрение крота.
Там сидят на молочной диете,
раз молочные зубы жуют,
там рождаются пьяные дети
и не плачут, а сразу поют.

Хор:

Исковерканы там на второе
дирижабли, коты, небеса,
а на первое — камень для боя
ментально находит коса.

*2. Красивый Штирлиц,
скутичик ворованных мыльниц:*

Уральским утром пастор Шлаг,
достав (какой — не важно) шланг,
на детском прыгая батуте,
свой садик поливал и *нах*
любого, кто не *Пастернах*,
просил дойти до самой сути.

Хор:

Не ищите аналогий,
проникайте в суть,
потому что жизнь в итоге —
пустота и путь.

*3. Придурок Борис Николаевич Ельцин,
повешенный бандой беременных женщин:*

Лейтесь, песни. Вейтесь, пейсы.
Невидимкою луна
смотрит, как вскрывают кейсы,

где лежит моя страна.
Доллар — добрый. Шекель — грубый.
Здравствуй, рубель Шикельгрубер.

Хор:

А из окна глядит покойник,
кушая грязный подоконник,
где круг зелёной колбасы
взывает: «Съешь меня, не ссы!»

*4. Эразм Вротердамский, любитель уродцев
(скорее всего, он из города Вроцлав):*

У бога ангел изо рта
торчит, как ноги из сугроба.
Вокруг — святая гопота:
картинка эта ей удобо-
варимой кажется. А мы —
Секс-пир во времена чумы,
где Глостер Корнуэлу выкал
и льстил, сгибаясь, как лоза,
покуда тот, нажав на «выкл.»,
не выколол ему глаза.

Хор:

Нам никак не надоест
тиражировать проклятье:
мы на боге ставим крест,
чтобы получить распястье.

*5. Поклонник Агнии Барто
(чего не скажет, всё не то):*

Уронил я Машку на пол
и давай оторву лапоть,
пару палок Машке брошу,
потому что хуй хороший.

Я играю в городки.
Машка крутит шерсть в мотки.

Хор:
Идёт бычок, сношается,
вдыхает на ходу:
«Ой, что-то не кончается,
сейчас я упаду».

*6. Писатель Булгарин (а может, Булгаков),
стоящий не раком, но кушавший раков):*

Лежит жена, принадлежа
удару острого ножа,
над нею вьётся пьяный муж,
как уж, раскаявшийся уж.
Она орёт: «Какого хрена,
мне эмбрион кормить пора...» —
объёмней буфера обмена
дрожат у бабы буфера.

Хор:
Возле жениной двери
ходят твари из Твери,
а в руках у тварей — ватки
с кровью девственниц из Вятки.

*7. Строитель Вавилонской башни,
ни разу бабу не евавши:*

«Да здравствуют живые люди
и хрен, им поданный на блюде!» —
как написал, возможно, Хармс,
поскольку был известный хам-с!

Он в ванной медленно и кротко
сбривает время с подбородка,
и пена шлёпается в слив,
полхари Хармсу откусив.

Хор:

А русская литература,
неподражаемая дура,
лежит большая и лохматая,
как хамоватая Ахматова.

*8. Валя Котик, пионер-герой,
человек-гора, ибо встал горой:*

Пояс мальчика-шахида
неотвратим, как панихида.
Пока мы небеса коптим,
он в принципе неотвратим.
Засунув руку в шариат,
наверняка нашаришь ад,
тем паче по земному шару
он расползается на шару.

Хор:

Смерть не жуткая старушка,
а весёлая игрушка.
А не крутится она,
потому что сломана.

9. Шут (не то чтобы гороховый,
хотя прописан на Гороховой,
пуская не в городе Калуге,
зато в кровати у подружки):

Красота внутри лица
ходит, как тигрица в клетке.
Вырос пенис у мальчика,
а на нём — глубин отметки.
Он по водам без фарватера
проведёт и прокуратора.

Хор:

Гигиена рук Пилата
дарит нам благую весть,
что ума его палата
трижды станет цифрой б.

10. Андрей Тарковский (он киношник,
хотя по сути доминошник):

«Философ — это фейерверк!» —
как утверждает — Фейер-бах!
И мы всё время смотрим вверх,
но остаёмся на бобах.
Гармония б свершилась, кабы
«бобы» переменить на «бабы».

Хор:

Мы живём легко и робко,
в каждом пенится вина,
трасса в рай — сплошная пробка,
если выстрелит — хана.

11. *Берия Лаврентий, реформатор
(знал диамат, но не ругался матом):*

И не важны ни кляузы, ни клятвы,
ни русский шум, ни бешенство латыни.
Слова тогда становятся понятны,
когда они стоят, как понятия.
Распятие — реклама коромысла
(её придумал плотник дефективный),
она без вёдер не имеет смысла,
по этой же причине — эффективна.

Хор:

В три горла жрёт верховный жрец.
И бьют в лицо радиоволны:
«Стране приходит РПЦец,
причем, скорей всего, что полный...»

12. *Старлей в пехотном камуфляже
(он безымянным в землю ляжет):*

Нам предстоит суметь
в Кремль ворваться в стиле:
«Родина — это смерть!»,
И никаких там — «или».
Боезапас на треть
мы изведём не мимо.
Родина — это смерть.
Если не смерть — чужбина!

Хор:

Ты понимаешь, что наступает край,
ты понимаешь, что он у тебя внутри,
ты убегаешь по белой дорожке в рай,
испачкав не пятки, а кромку одной ноздри.

*13. Допустим, Рейн (не Рейн – ручей,
и не ручей, а хрен ничей):*

А. Парщикова мне приятна спесь,
она к лицу счастливому поэту:
– Есть три рубля? – его спросили. – Есть
хочу три дня, да вот купюры нету...
Он деньги из купюры «три рубля»*
изъял, и от неё осталось «...бля!»

Хор:

– Сказка – ложь... Не «ложь» – «клади»
ты на всех и всюду.
И не бди, не бди, не бди,
и не бди...
– Не буду!

* Срочно читаем, кто ещё не успел, текст Алексея Парщикова «Деньги».